

Счастливыи спраннык

Казак-бандурист. Народная украинская картина. Начало XVIII в.

Григорий Сковорода

Игорь Могилевский

Н

На своей могиле украинский мыслитель Григорий Сковорода завещал сделать надпись: «*Мир ловил меня, но не поймал*», а затем выкопал в саду погребальную яму, переоделся в чистую одежду, положил под голову черновики своих притчей, укрылся старенькой крестьянской свиткой и почил навеки.

Вся необыкновенная жизнь этого странного, талантливого человека была под стать этой истории. Родился он 22 ноября (3 декабря по новому стилю) 1722 года в полтавском селе Чернухи. Роду был хотя и казацкого, но бедного и потому сведения о его родителях сохранились лишь в нескольких малозначительных записях. Так, в реестре «*о приходе денежной казны Лубенского полку*» за 1733 год сказано, что на ярмарке 19 июля 1733 года за

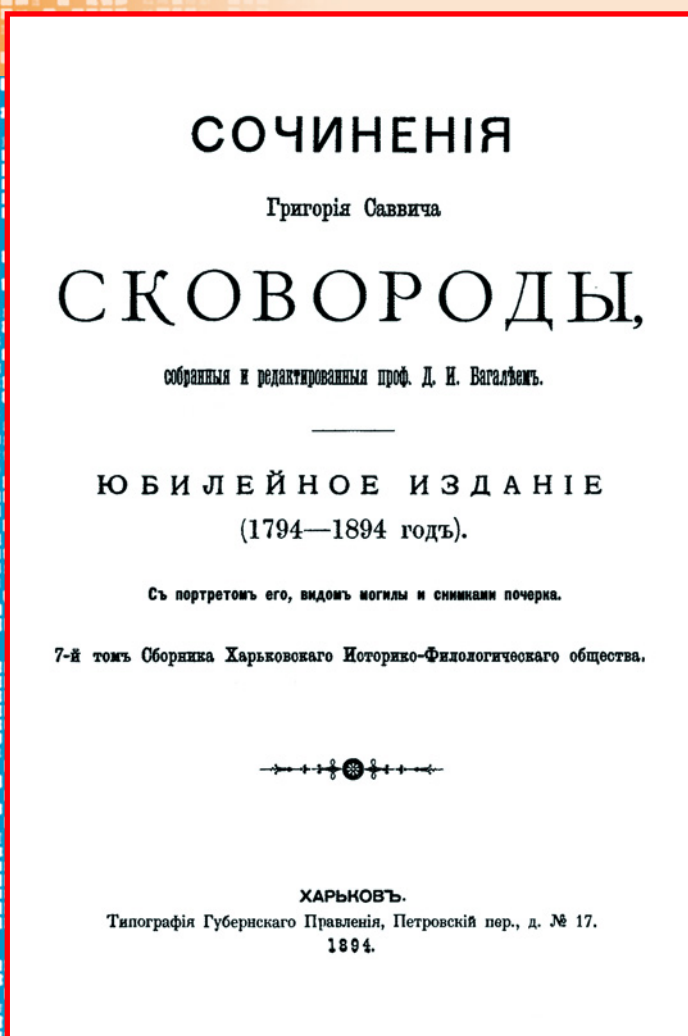
Единственный прижизненный портрет Григория Сковороды был написан незадолго до его смерти сельским художником Лукьяновым из Ивановки. XVIII в.

Киево-Могилянская академия, какой она была в годы учебы будущего философа. Макет.

Внизу:

Сочинения Григория Саввича Сковороды. Юбилейное издание 1894 г.

продажу «вишинкованного вина» взято «с Саввы Сковороды черноуского с пяти ведер пятьдесят копеек», и в ревизских книгах 1745 года, где значится «двор Пелагеи Сковородыхи, которой сын обретается в певчих». Этим сыном и был Григорий Савич. У него был чудесный голос, и он с раннего детства пел в церковном хоре.

Согласно тогдашним обычаям, родители вначале отдали мальчика в науку к дьяку, а затем в церковно-приходскую школу. В двенадцатилетнем возрасте Григорий «поступил в студенты» Киево-Могилянской академии, что для бедного селянского хлопца было почти чудом. Киевская академия в те времена ничуть не уступала по значимости университетам Парижа, Вены или Праги, а огромная ее библиотека, в которой были собраны книги по всем известным тогда наукам, многие из европейских книгохранилищ даже превосходила.

О высоком престиже академии свидетельствуют судьбы ее воспитанников, занимавших высокие духовные посты, сделавших блестящую дипломатическую карьеру или ставших писателями, поэтами, учеными, профессорами в университетах Сербии, Австрии, Венгрии, Чехии. А бывшие киевские школяры, служившие в школах и коллегиумах (училищах) Москвы, Санкт-Петербурга,

Певчие на хорах. Фрагмент иконы.
1686 г.

Внизу:

Гравюра с «Акафистов» киевского
издания 1731 г.

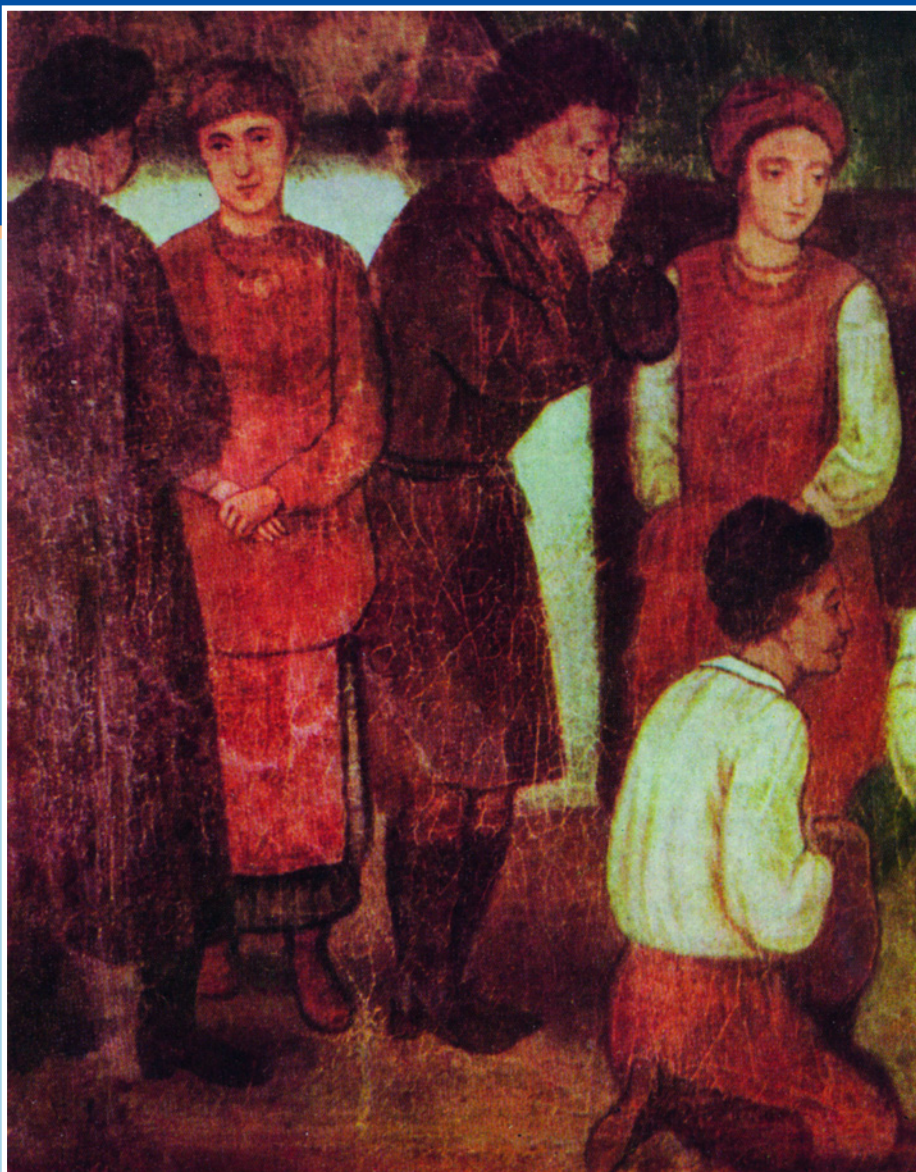
Певчий Скворода, скорее всего,
пользовался именно им.

Родители вначале отдали мальчика в науку к дьяку, а затем в церковно-приходскую школу. В двенадцатилетнем возрасте Григорий «поступил в студенты» Киево-Могилянской академии, что для бедного селянского хлопца было почти чудом.

Ростова, Казани, Владимира, других крупных городов Российской империи, считались педагогической элитой империи.

Григорию в академии очень нравилось, но полный курс обучения, составлявший восемь лет, пройти не удалось... по причине талантливости. В декабре 1741 года специальная комиссия, пораженная его необыкновенно красивым голосом, направила юношу в Санкт-Петербург, в придворную капеллу. Три года жил он вместе с другими певцами капеллы в старом Зимнем дворце, выступая на придворных праздниках и во время богослужений – в дворцовой церкви. И хотя капелла была достаточно большой, незаурядный музыкальный талант нового певчего не остался незамеченным. По личному указу императрицы Елизаветы Петровны он получил звание придворного регента и стал руководить хором. Петербургский период жизни Григория отмечен еще одним замечательным музыкальным успехом – он настолько блестяще «сложил голос» духовной песни «Иже херувимы», что акафист в аранжи-

Селяне.
Фрагмент народной украинской
картины «Селяне слушают бандуриста».
XIX в.

ге (Братислава), то в других городах Австро-Венгрии.

Вернувшись в 1750 году на Украину, Сковорода получил должность преподавателя пиитики в Переяславском коллегииуме, где снова проявились его незаурядные способности, на этот раз как педагога-новатора. Это, однако, не понравилось переяславскому епископу Никодиму Сребницкому. Сковороде велено было прекратить самостоятельность и *«преподавать по тогдашнему обыкновенному образу учения»*. А так как подчиниться он отказался, *«по сему был выгнан из училища не с честью»*, впервые, пожалуй, потерпев жизненную неудачу.

После потери места Сковорода снова оказался в аудиториях киевской академии, где даже воздух, пропитанный духом старинных фолиантов, казался ему особенным. В последующие два года он учится в богословском классе, все свободное время просиживая в библиотеке. Вел класс иеромонах Георгий Конисский, один из самых выдающихся людей того времени, а соучеником Григория был будущий митрополит Самуил Мстиславский. Не менее блестящую духовную карьеру предрекали и Сковороде, но, похоже, такой жизненный путь привлекал его мало, и через три года он оставляет академию ради того, чтобы стать домашним учителем у помещика села Ковраи Степаны Томары.

С самим паном Томарой у нового учителя отношения сложились неплохие, сохраняются они и в будущем, когда Сковорода станет известным поэтом, а вот с гонористой, своенравной Томарихой, обращавшейся с учителем сына как с холопом, не сладилось, и из Ковраев он ушел.

Пожив какое-то время у приятеля в Переяславе, Сковорода, не

ровке Сковороды звучит в церквях уже более 200 лет.

Можно лишь догадываться, каких карьерных высот достиг бы в будущем сын черноуского казака, по бедности подторговывавшего на полтавских ярмарках вином, если бы в августе 1744 года императрица Елизавета не решила посетить Киев, взяв в поездку полюбившуюся капеллу. Встреча со старыми друзьями из академии, воспоминания о счастливых годах студенчества взволновали сердце регента придворного хора, и он отказавшись возвращаться в столицу, подал прошение об увольнении с высокой должности.

Оставшись в Киеве, Григорий вернулся в академию, в класс философии. Но уже через год ему пришлось сделать в учебе новый перерыв – его включили в состав российской

миссии, возглавляемой генералом Вишневским, на должность певчего православной церкви при миссии. Факт этот, на первый взгляд, может показаться не таким уж значительным, и для других певчих он, возможно, таковым и был. Но Григорий Сковорода был человеком особенным. Его энциклопедичная образованность, великолепное знание латыни, греческого, древнееврейского, немецкого, польского языков, неожиданные суждения об увиденном и прочитанном, а философов и поэтов античности и эпохи Возрождения Сковорода изучал в оригинале, поражали даже выдающихся европейских ученых, с которыми он много общался в те пять лет, пока служил в миссии. Благо, она часто переезжала, базируясь то в Вене, то в Офене (Будапеште), или Презбур-

Рыбак на озере.
Народная украинская картина. 1875 г.

усидев на месте, поехал в Москву, где первым делом отправился в Троице-Сергиеву лавру поклониться православным святыням и поработать в монастырской библиотеке, славящейся редкими книгами. Здесь он познакомился с наместником лавры Кириллом. Как пишет ученик странствующего философа Ковалинский, *«сей, увидя Сквороду, которого знал уже по слуху, и нашед в нем человека отличных дарований и учености, старался уговорить его остаться в лавре для пользы училища, но любовь его к отеческому краю отвлекла его в Малороссию. Он возвратился паки в Переяслав, оставя по себе в лавре имя ученого и дружбу Кирилла»*.

После поездки в Москву Скворода, кажется определяется окончательно – выбирает судьбу странствующего философа и народного учителя. Более четверти века бродит он пешком, с котомкой за плечами от города к городу, редко где задерживаясь надолго, останавливаясь иногда в монастырях, но чаще ночуя, как сам пишет, *«в лесах, полях, садах, селах, деревнях и пчельниках»*.

Познакомиться со столь образованным человеком и принять его в своем доме считали за честь не только писатели и художники, но и знать. Но к славе и к высоким знакомствам Скворода оставался равноду-

шен, предпочитая маленькие харьковские хуторки, где ему хорошо работалось, и один за другим выходили из-под пера диалоги, трактаты, притчи, басни, стихи, песни. Мно-

После потери места Скворода снова оказался в аудиториях киевской академии, где даже воздух, пропитанным духом старинных фолиантов, казался ему особенным. В последующие два года он учится в богословском классе, все свободное время просяживая в библиотеке. Вел класс иеромонах Георгий Конисский, один из самых выдающихся людей того времени, а соучеником Григория был будущий митрополит Самуил Мстиславский.

Черты везут немилостивого пана.
Фрагмент народной иконы «Страшный суд». XVII в.

го занимается он в это время и переводами древних авторов.

В 1790 году Григорий Саввич составляет перечень своих произведений, как оригинальных, так и переводных, и отправляет письмом ученику и близкому другу Ковалинскому, указав у кого они хранятся (написанное, прежде чем пуститься в новое странствие, он обычно оставлял у знакомых). Решение оказалось мудрым – верный

Ковалинский собрал большую часть рукописей, благодаря чему они сохранились до наших дней.

Часть работ Скворода привозит другу сам, совершив осенью 1794 последнее свое странствие. К этому времени Михаил Ковалинский обосновался в Орловской губернии, в имении Хотетове, куда *«по девятнадцатилетнем несвидании, одержим болезнями старости, несмотря на дальность пути,*

Похороны в селе.
Народная украинская картина.
Около 1848 г.

новому стилю) 1794 года в селе Ивановка под Харьковом закончилось жизненное странствие Григория Сковороды.

У него не было семьи, дома, имущества, не было ничего материального, что можно пересчитывать, хранить и передавать в наследство. Но он сам придумал свою судьбу и чувствовал себя счастливым человеком. Радость давали независимость и свободная возможность делать то, к чему тянулась душа. Создавая свой мир – философский, литературный и просто житейский, философ-странник свято верил, что природа сотворила для каждого человека возможности быть счастливым. А это, как писал Сковорода, случается лишь тогда, когда человек выбирает жизнь, отвечающую его внутренней природе. Только так человек может обрести уверенность в своих возможностях, определить свой угол в жизни и научиться быть счастливым. «Если, по пословице, на должность мостишься, как коза на кровлю для того, чтоб чрез нея вскочить на кучу избыточного тщеславия, видно, как в зеркале, что ты не к должности усерден, а посему и не рожден...», – говорит Сковорода в одной из своих басен.

Проблема счастья человека на земле и путей к нему стали смыслом его жизни, сутью его философии и главной темой литературного творчества. Ответ на вопрос «как достичь счастья» Сковорода искал в странствиях, встречах, ученых спорах и простецких разговорах, в единении с людьми и уединении, в литературе и философии. Он искал ответ у древних мудрецов, переводя греческих философов, и, прежде всего, любезного его сердцу и уму Плутарха, и не находя никаких готовых рецептов, принимался за создание своей философии счастья. Только оно воспринималось им как единственная истина.

У него не было семьи, дома, имущества, не было ничего материального, что можно пересчитывать, хранить и передавать в наследство. Но он сам придумал свою судьбу и чувствовал себя счастливым человеком. Радость давала независимость и свободная возможность делать то, к чему тянулась душа. Философ-странник свято верил, что природа сотворила для каждого человека возможности быть счастливым.

на чрезвычайную ненастную погоду и на всегдашнее отвращение к краю сему» и приехал Григорий Саввич.

Хозяин уговаривал учителя остаться в Хотетове на зиму, но Сково-

рода не захотел, и, пробыв меньше месяца, поторопился вернуться на Украину. Предчувствуя скорую кончину, умереть он хотел в родных краях. 29 октября (9 ноября по